

Из всех сохранившихся свидетельств о двухдневном пребывании Пушкина в Нижнем Новгороде (разумеется, кроме писем самого поэта жене) воспоминания о званом обеде в доме губернатора М.П. Бутурлина в воскресенье 3 сентября 1833 года наиболее ценны. И в смысле фактов, и в смысле восприятия их современниками. Хотя в абсолютной достоверности этих свидетельств уверенным быть нельзя, как и всегда бывает, когда речь идет об устных воспоминаниях, записанных спустя много лет после описываемых событий.

«Губернатор принял меня очень мило и ласково...»

Итак, нанеся в день приезда 2 сентября визит вежливости нижегородскому губернатору, Пушкин получил приглашение на другой день отобедать у него дома. Когда обедали в дворянских домах? По-разному. Если в столицах в начале XIX века, вослед европейской моде, обед сместился почти к вечеру, то в домах знати и образованных дворян губернских городов он проходил обычно в три-четыре часа пополудни. Пушкинский знакомец, задававший тон в Нижнем

---

* Фрагменты из готовящейся в издательстве ДЕКОМ книги «Когда порой воспоминанье...» Пушкин и Нижний Новгород.

Новгороде 1840-х годов «европеец» Александр Дмитриевич Улыбышев, например, устраивал обеды с многочисленными гостями и обильным угощением в четыре часа. Можно предположить, что примерно в это же время обедали и у Бутурлиных. А это значит, что отправившийся в путь сразу после обеда Пушкин покидал город вечером, и впереди его ждала ночная дорога. Но день явно удался, он уезжал в хорошем настроении.

Где находился гостеприимный губернаторский дом? На Большой Покровской. На литографированном рисунке Дмитрия Быстрицкого середины XIX века, изображающем здание Благородного дворянского собрания и перспективу главной улицы города, он виден наискосок налево, «в профиль». Над центральным входом – балкон на четырех дорических колоннах, выступавших на тротуар (не так, как у ныне стоящего здесь здания областного суда, отодвинутого вглубь двора). Приобретенный весной 1811 года семьей вице-губернатора Александра Семеновича Крюкова в частное владение на имя жены Елизаветы Ивановны, дом был ими за счет присоединения флигеля расширен, надстроен, позднее и «облагорожен» роскошным подъездом с аттиком и колоннами, большим полуциркульным чердачным окном и балконом. Через три года купленный за восемь тысяч дом был продан в казну уже за тридцать тысяч. Хотя Крюков с семьей по-прежнему жил здесь вплоть до 1826 года, с 1818-го уже как губернатор. Дом и потом, вплоть до постройки кремлевской резиденции начальников губернии в 1841 году, оставался губернаторским. Позже отводился под жилье высшим губернским чиновникам, которые жили здесь вплоть до 1870-х годов, когда в связи с судебной реформой было принято решение о сносе дома и строительстве на его месте здания Окружного суда*.

Как много видел этот старый губернаторский дом! В 1812-м здесь собирались на балы и маскарады знатные дворяне из московских беженцев, среди которых был дядюшка поэта Василий Львович Пушкин и многие другие его московские знакомые и родственники. В начале 1820-х здесь жил одно время генерал-лейтенант Август Бетанкур, командированный Александром I для возведения архитектурного ансамбля Нижегородской ярмарки. А в 1834 году в гостях уже у губернатора М.П. Бутурлина был император Николай I, посетивший Нижний Новгород, где по его указу начались вскоре грандиозные преобразования, направленные на благоустройство города.

Пушкин посетил этот дом годом раньше. 3 сентября 1833 года здесь в губернаторской столовой раздавался его голос. Кого только не «усаживали» рядом с Пушкиным за этим обеденным столом писавшие о знаменательном событии литераторы. И губернского архитектора И.Е. Ефимова, и вице-губернатора Б.Е. Прутченко, и действительного статского советника А.Д. Улыбышева, музыканта, театрала и мецената. Что касается Улыбышева, его присутствие в этом доме исключается полностью. Его оппозиция к губернатору Бутурлину в 1830-е годы, как и к сменившему его на этом посту М.А. Урусову, хорошо известна. Достоверных свидетельств пребывания на обеде других возможных гостей попросту нет. Кроме хозяев дома, губернатора и его супруги Анны Петровны, не вызывает сомнений только присутствие дальней родственни-

---

* Волохов С.А. «Сегодня был я у губернатора...» // Пушкин на Нижегородской земле. Сост. В.Ю. Белоногова. Н. Новгород, 1999. С. 51–58.

цы Бутурлиных молоденькой и незамужней еще тогда Лидии Петровны Стремоуховой. Спустя много лет, уже почтенной дамой и вдовой А.М. Никольского, надворного советника, учителя, а потом театрального антрепренера, она вспоминала о встрече в губернаторском доме с Пушкиным. Журналист Николай Граве эти ее воспоминания записал. Они великолепны!

«Я редкий день не бывала у Бутурлиных – Анна Петровна меня очень любила. Третьего сентября она прислала за мной коляску <...>. В этот день у Бутурлиных обедал молодой человек <...>. Я запомнила наружность этого гостя: по виду ему было более 30 лет. Он носил баки. Немного смуглое лицо его было оригинально, но не красиво: большой открытый лоб, длинный нос, полные губы – вообще неправильные черты; но что было у него великолепного – это темно-серые с синеватым отливом глаза, большие, ясные! Нельзя передать выражения этих глаз: какое-то жгучее и притом ласкающее, приятное. Я никогда не видела лица более выразительного: умное, доброе, энергичное. Когда он смеялся, блестели его белые зубы. Манеры у него были светские, но слишком подвижные. Он хорошо говорил; ах, сколько было ума и жизни в его неискusstvenной речи! А какой он веселый, любезный – прелесть! Этот дурняшка мог нравиться. Обед кончился. Все перешли в гостиную. Прошло не более часа – гость откланялся и уехал; он торопился в Казань»*.

В семейном предании за Лидией Петровной сохранилось определенное «мимолетное увлечение Пушкина», возможно, с ее собственных слов. Но ценность ее воспоминаний не только в данном ею выразительном портрете поэта. Едва ли не больше рассказ ее говорит о ней самой. Вернее, о том пушкинском обаянии, неотразимом, когда он был весел, под которое попадали десятки современников и современниц, в том числе провинциальных барышень и дам.

Это и мечтательная Лидия Петровна с ее олитературенным рассказом о Пушкине, которого с ней якобы не познакомили, и о том, что это тот самый знаменитый поэт, она узнала, только когда он уехал: «Разве это был Пуш...?!» В самом деле, что за прелесть наши провинциальные барышни! «Воспитанные на чистом воздухе в тени своих садовых яблонь, – читаем у Пушкина, – они знания света и жизни почерпают из книжек. Уединение, свобода и чтение рано в них развивают чувства и страсти, неизвестные рассеянным нашим красавицам»...

Это и случайная дорожная попутчица молодая горбатовская городничиха Амалия Потаповна Сидамова. О ней поэт писал жене: «На второй станции, где не давали мне лошадей, встретил я некую городничиху, едущую с теткой из Москвы к мужу и обижаемую на всех станциях. Она приняла меня весьма дурно и нараспев начала меня усовещивать и уговаривать: как вам не стыдно? на что это похоже? две тройки стоят на конюшне, а вы мне ни одной со вчерашнего дня не даете. – Право? – сказал я и пошел взять эти тройки для себя. Городничиха, видя, что я не смотритель, очень смутилась, начала извиняться и так меня тронула, что я уступил ей одну тройку, на которую имела она всевозможные права, а сам нанял себе другую <...>. Городничиха и ее тетка так были восхищены моим

---

* Граве Н. Памяти Александра Сергеевича Пушкина//Нижегородский биржевой листок. 1887. 30 января. С. 3.

рыцарским поступком, что решились от меня не отставать и путешествовать под моим покровительством, на что я великодушно и согласился. Таким образом и доехали мы почти до самого Нижнего – они отстали за три или четыре станции – и я теперь свободен и одинок. Ты спросишь: хороша ли городничиха? Вот то-то, что не хороша, ангел мой Таша».

Еще одно воспоминание о нижегородском обеде Пушкина сохранилось, со слов губернаторши Анны Петровны, в семье нижегородцев Григорьевых и воспроизведено было в «Воспоминаниях» их родственника писателя Петра Боборыкина уже в начале XX века.

«Дядя любил передавать мне разговор Пушкина с тогдашней губернаторшей Бутурлиной, мужем которой, Михаилом Петровичем, меня всегда дразнили и пугали, когда он приезжал к нам с визитом. А дразнили тем, что я был ребенком такой же “курносый”, как и он. Не могу подтвердить точность пересказа одной из шуточных тирад Пушкина; но разговор его с губернаторшей, в редакции дяди, остался у меня в памяти очень отчетливо <...>.

– Что же вы делали в деревне (в Болдине. – В. Б.), Александр Сергеевич, <...> скучали?

– Некогда было, Анна Петровна. Я даже говорил перед мужиками проповеди. <...> Да, в церкви, с амвона. По случаю холеры. Увещевал их. “И холера послана вам, братцы, оттого, что вы оброка не платите, пьянствуете. А если вы будете продолжать так же, то вас будут сечь. Аминь!”».

Нет, определенно, Пушкин был в тот вечер в ударе. Через несколько дней такие же яркие впечатления он оставит у гостей на обеде в доме Языковых в Симбирске. Там в семье симбирских дворян Юрловых останутся воспоминания о том, что Пушкин был в тот вечер «в ударе» и «поражал всех своим остроумием».

Но пора уже обратиться, наконец, к хозяину дома на Большой Покровской, к самому губернатору Михаилу Петровичу Бутурлину. Тем более что именно с ним и его знаменитым гостем связана известная литературная легенда, до сих пор воспринимаемая многими буквально. О пушкинской подсказке сюжета «Ревизора» Н.В. Гоголю.

Что известно о Бутурлине? Происходил из старинного дворянского рода, в 1807 году поступил в кавалергарды юнкером и дослужился до генерал-майора. Во время Отечественной войны 1812 года участвовал в сражениях под Витебском, Смоленском, Тарутином и Малоярославцем. За участие в Бородинской битве, где был ранен в плечо, награжден орденом Святого Владимира 4-й степени с бантом. Сражался в ходе европейской кампании – под Дрезденом и Лейпцигом. Брал Париж. Имел немало боевых наград. Став в 1831 году нижегородским губернатором по личному настоянию императора, Бутурлин отличился рвением на службе, немало сделав на поприще благоустройства вверенного ему города и губернии. «За отличный во всех частях порядок и устройство» удостоился в 1834 году личного благоволения от государя. Биографы свидетельствуют о его «непоколебимой честности, строгой законности, недоступности посторонним влияниям» и о пунктуальном следовании им «Высочайшим установлениям начальства»*. Однако, несмотря на его любовь к порядку, чистоте и дисциплине, а может быть, отчасти

* Панчулидзева С. Словарь биографий кавалергардов. В 4-х томах. М., 1902–1904. Т. 3. С. 202–206.

именно поэтому, он не ладил с нижегородскими дворянами. Как вспоминал в своем дневнике А.Д. Улыбышев, когда надоевший «вечный» Бутурлин был в 1843 году, наконец, отставлен, радость была такова, что «чуть не иллюминировали город».

Французский путешественник маркиз Астольф де Кюстин, разъезжавший в 1830-е годы по России, человек наблюдательный и ироничный, сразу обнаружил в «чрезвычайно кротком и милейшем нижегородском губернаторе» недостаток сообразительности и тонко высмеял его. В своей книге «Россия в 1839 году» он рассказал, как ознакомился в Нижнем с интересным русским типом в лице местного правителя Бутурлина. «Этот субъект, – писал де Кюстин, – оказавшийся чрезвычайно словоохотливым собеседником, задался, очевидно, целью внушить квалифицированному иностранцу самое выгодное представление о русских порядках и выполнил эту задачу с наивной развязностью апологета русской государственности, не подозревающего, что азиатская точка зрения не для всех обязательна». Кюстин называет его «патриотом казенного образца» и приводит некоторые его сентенции. Например, такую: «Законы в России так суровы, что их следует применять осмотрительно и в редких случаях, – иначе пострадает престиж власти»*.

Осматривая в сопровождении губернатора Нижегородский кремль, маркиз поклонился гробнице Кузьмы Минина в кафедральном Спасо-Преображенском соборе и восхитился очевидной древностью собора, которому должно быть никак не меньше двухсот лет. Но Бутурлин, по словам француза, с гордостью сообщил ему о том, что это он построил этот храм, не отреставрировал, а именно построил заново. «Старый храм совсем обветшал; Государь счел за лучшее не чинить его, а отстроить целиком заново; еще менее двух лет назад он стоял на пятьдесят шагов дальше и выступал из ряда прочих зданий, так что портил план нашего кремля». «А как же кости Минина?!» – «Их выкопали из земли вместе с останками великих князей, похороненных прежде; теперь все они в новой усыпальнице – вот под этим камнем». Из этого ироничный француз сделал вывод о том, как русские берегут свои святыни.

Возможно, Кюстин отчасти и преувеличивал «простоту» Михаила Петровича. Ведь даже Улыбышев, который называл его «идеалом дурного правителя», в конце концов с ним помирился. Когда Бутурлин вернулся в Нижний в 1843 году «уже не губернатором, чтобы сдать дела и расплатиться с кредиторами»**, Улыбышев даже подарил ему свою книгу о Моцарте с автографом «в знак дружбы и уважения». Этот том вместе с другими книгами из библиотеки Бутурлина со временем попал через потомков нижегородского губернатора в Государственный музей А.С. Пушкина в Москве, где и хранится ныне.

И все-таки именно такой ревностный чинуша и мог, наверное, принять остановившегося в Нижнем проездом из Петербурга поэта Пушкина за тайного ревизора. Когда гость уехал, Бутурлин отправил с курьером письмо своему оренбургскому коллеге-губернатору графу Василию Алексеевичу Перовскому. «У нас недавно проезжал Пушкин, – писал он, – Я, зная, кто он, обласкал его, но должен признаться, никак не верю, чтобы он разъезжал за документами

* Записки о России маркиза де Кюстина. М.: СП Интерпринт, 1990. С. 110–112.

** Улыбышев А.Д. Записки // Звезда, 1935. № 3. С. 174–197.

о Пугачевском бунте; должно быть, ему дано тайное поручение собирать сведения о неисправностях. Вы знаете мое к вам расположение; я почел долгом вам посоветовать, чтобы вы были осторожнее»*. Михаил Петрович не знал, что Пушкин и Перовский – давние приятели по Петербургу. И дружный хохот их за чтением вслух этого письма, огласил губернаторскую дачу под Оренбургом 20 сентября 1833 года. Случилось так, что в этот же день в канцелярию нижегородского губернатора было отправлено из Петербурга секретное уведомление об установлении надзора за титулярным советником Александром Пушкиным. Получив его, Бутурлин понял, как ошибался он в своих предположениях.

Пушкин, как и его добрый знакомый Василий Перовский, не стал делать из этого тайны. Хотя какая тут тайна? Анекдотическая ситуация с мнимым ревизором и без того витала в российском воздухе и даже описана уже была в литературе. Да, спустя два года Пушкин рассказал этот нижегородский случай Гоголю в ответ на его просьбу: «Дайте какой-нибудь сюжет, хоть какой-нибудь смешной или не смешной, но русский чисто анекдот». Только смысл «подсказки» был в другом. По точному выражению профессора Ю.В. Манна, Пушкин только указал своему младшему собрату по перу на творческую продуктивность сюжета, хорошо тому известного. Кстати, еще до обращенной к Пушкину просьбы Гоголь со своими однокашниками по Нежинской гимназии А.С. Данилевским и И.Г. Пашенко по дороге из Киева даже разыгрывали целый «спектакль» об «инкогнито из Петербурга» перед зрителями на почтовых станциях. Один из друзей прибывал на станцию и рассказывал, что следом за ним инкогнито (!) едет ревизор. И двух других встречали там чуть ли не хлебом-солью...

Легенда о нижегородском «ревизоре», рассказанная Гоголю Пушкиным, оказалась удивительно живучей**. Однако замыслу гоголевской комедии предшествовал ведь не реализованный творческий замысел самого Пушкина. Вскоре после возвращения из поездки по пугачевским местам в его бумагах появляется запись: «Криспин приезжает в губернию NB на ярмонку – его принимают за <неразб.>... Губернатор честной дурак – Губернаторша с ним кокетничает – Криспин сватается за дочь». Толчком к этому пушкинскому замыслу, по-видимому, тоже послужило именно нижегородское происшествие. А насколько его несостоявшиеся персонажи соответствуют реальным нижегородским персоналиям?

Губернаторша Анна Петровна вполне могла с Пушкиным слегка пококетничать за разговором о его «проповеди» перед болдинскими мужиками. «Роль» губернаторской дочки, к которой сватается Криспин, вполне могла «сыграть» присутствовавшая на обеде родственница Лидия Петровна Стремоухова, девушка на выданье (реальные губернаторские дети Сергей и Варвара были тогда малолетними). С губернатором мы тоже уже познакомились. Похож ли пушкинский «губернатор – честной дурак» на Михаила Петровича Бутурлина? Очень. А вот на Антона Антоновича Сквозник-Дмухановского совсем не похож. Гоголевского городничего «честным дураком» никак не

* Из воспоминаний графа В.А. Соллогуба // Русский архив. 1865. № 6. С. 744–745.

** К возникновению этой легенды через десять лет после смерти Пушкина приложил руку сам Гоголь.

назовешь. У Гоголя этот ключевой персонаж – по сути своей, совсем другой тип правителя.

Да и «ревизор» был бы у Пушкина совсем другой. Ведь он назван у него «Криспин», а Криспин или Криспен – это устойчивое театральное амплуа слуги-плута и лгуна. По-видимому, Пушкин и тут бы обратился к традиции «бродячего» европейского сюжета, как не раз делал это, создавая свой вариант истории Дон Жуана или Фауста, вступая в диалог со своими литературными предшественниками. А Гоголю всегда важно было создать нечто совершенно небывалое. Его Хлестаков не заведомый мошенник, а едва ли не «жертва» обстоятельств, он даже и не понимает ничего поначалу, даже робеет. И только подчиняясь ситуации, начинает старательно лепить образ важной персоны, как он сам его себе представляет.

Увы, прочесть пушкинский вариант «Ревизора» мы никогда не сможем. Как и тексты многих других его невоплощенных замыслов. Жаль. Нижний Новгород был бы местом действия этой комедии. Пушкин покинул город вечером 3 сентября. А в Нижнем месяц спустя развернулась совсем другая «комедия», а может быть, «трагикомедия». Бюрократическая.

Петербургские чиновники хватились, что Пушкина нет в Петербурге, когда он подъезжал уже к оренбургским пределам. И полетели письма-уведомления под грифом «Секретно». Сначала нижегородскому губернатору Бутурлину (ведь в Нижегородской губернии пушкинское имение Болдино). Потом после переписки нижегородских ведомств – дальше.

Бутурлин сделал вид, что он вообще Пушкина не видел и ничего о нем не знает! Где титулярный советник Пушкин? Через два дня нижегородский полицмейстер докладывает: «Служащий в Иностранной коллегии статский (!) советник Пушкин прибыл в Нижний Новгород из Санкт-Петербурга 2-го, а 3-го числа сентября выехал в Казань, а титулярного советника Пушкина в проезде не имелось». Кто добавлял рангов к чину своего барина при записи в книгу прибытия на почтовых станциях, мы знаем. Это камердинер «человек мой Гаврила» (кстати, родной брат Ольги Калашниковой, михайловского увлечения Пушкина), на которого он не раз «жаловался» родным: «Глуп, говорлив, через день пьян, ест мои холодные дорожные рябчики, пьет мою мадеру, портит мои книги и по станциям называет меня то графом, то генералом Бесит меня, да и только».

Что же касается нижегородской ситуации, комизм состоял в другом. Поэт к тому времени, проехав почти две тысячи верст по пугачевским местам, был уже неделю с лишним в своем нижегородском Болдине, когда из Нижнего 9 октября были отправлены официальные уведомления об установлении надзора за Пушкиным в Казань и Оренбург.

Из Казани 30 октября сообщили, что Пушкин приехал в город 6-го, а выбыл 8 сентября. Оренбургский губернатор Перовский 24 октября написал, что поездка Пушкина «не имела другого предмета, кроме нужных ему исторических изысканий». 13 ноября, когда прислал свой ответ сергачский земский исправник С.П. Званцов, получивший предписание о секретном надзоре за поэтом в Болдине, поэт уже уехал домой в Петербург и пятый день был в пути*.

---

* Куприянова Н.И. Пушкин под надзором и без оного // Куприянова Н.И. К сему: Александр Пушкин. Горький, 1988. С. 216–220.

Выезжая вечером 3 сентября из Нижнего, поэт был свободен и весел. Его ждала любимая работа. «Ты не можешь вообразить, – писал он жене с дороги, – как живо работает воображение, когда <...> никто не мешает думать, – думать до того, что голова закружится...»

«Улицы широкие и хорошо мощеные»

На Большой Покровской улице Пушкин бывал, по-видимому, не один раз, и она запомнилась поэту-путешественнику. По ней он въезжал в город. И, конечно, о ней писал в коротеньком письмеце Наталье Николаевне, едва расположившись в гостинице: *Les rues sont larges et bien pavees, les maisons sont bien baties*. Письмо написано по-русски, но несколько фраз, как эта, – на привычном для образованных людей того времени французском. В переводе это значит: «Улицы широкие и хорошо мощеные, дома построены основательно». Оценка довольно сдержанная, чтобы не сказать формально-вежливая. Но не стоит забывать, что ведь именно здесь, на Большой Покровской селились и строились архитекторы, которых привез из столицы для возведения ансамбля Нижегородской ярмарки А.А. Бетанкур (Ф. Дмитриев, Р. Бауса, А. Леер). Улица вообще была преимущественно дворянской, застроенной домами хотя и окруженными непременно садом, но в стиле классицизма, с колоннами и портиками. Правда, строения были в основном деревянные, отделанные «под кирпич», а лепнина фриз и маскаронов если и была, то не каменная, а недолговечно-алебастровая, отчего в облике улицы преобладал дух провинциальности. Только от площади Дворянского собрания и дальше к Верхнепосадской-Благовещенской начиналась сплошная булыжная мостовая, и дома там уже были по большей части каменные.

И все-таки, скорее всего, Большая Покровская (или Покровка, как чаще ее называли) произвела на поэта хорошее впечатление. По ней, возможно, прогулялся он пешком, отправляясь в гости к Бутурлиным или возвращаясь в гостиницу перед отъездом.

Велика вероятность, что Пушкин заходил в Дворянское собрание, которое располагалось напротив губернаторского дома через улицу. Это одно из самых красивых и сохранившихся в строго классицистическом виде каменных сооружений-свидетелей Пушкинской эпохи. Оно и сейчас в целости (это Дом культуры им. Я.М. Свердлова). Пушкина могли привлечь туда заботы по болдинской усадьбе. Дело в том, что в здании Дворянского, или, как чаще говорили, Благородного собрания, размещалось Присутствие по делам управления и опекунства над помещичьими имениями Нижегородской губернии*.

После смерти Василия Львовича Пушкина в августе 1830 года его половина Болдинского имения находилась в ведении Опекунского совета. Дела по управлению шли плохо. Частные долги и казенные денежные претензии угрожали продажей этой половины пушкинской вотчины с молотка. Скоро, в 1835 году она-таки и будет продана. Но тогда, в 1833-м Пушкины еще надеялись сохранить Болдино в семейном владении. Несмотря на то что долги по другой части болдинских земель, принадлежавшей отцу поэта Сергею Львовичу, были тоже не-

* Филатов Н.Ф. Нижний Новгород пушкинской поры. 1833. – Горький, ВВКИ, 1983. С. 39.

малые. Кстати, половину Василия Львовича купил полковник Сергей Васильевич Зыбин, дом которого стоял неподалеку от Дворянского собрания вверх по Большой Покровской.

Случилось так, что именно с этой улицей связаны были в прошлом знакомые Пушкину по Москве и Петербургу нижегородцы, урожденные или временно в этом городе пребывавшие. Находясь в губернаторском доме, поэт мог вспомнить Николая Ивановича Кривцова. Это имя из ближнего круга Пушкина. Их связывали общие воспоминания времен молодости, нечастые встречи и живая переписка. За шесть лет до приезда в Нижний Пушкина Кривцов с женой Екатериной Федоровной, урожденной Вадковской, жил в этом доме, будучи нижегородским губернатором. Это было недолгое по времени, но запомнившееся многим губернаторство.

14 июня 1827 года на вечере в петербургском доме Карамзиных Пушкин после девятилетней разлуки встретился с давним своим приятелем Николаем Кривцовым. Тот только что покинул пост начальника Нижегородской губернии. Как нередко у него бывало, покинул с шумом. Подал в отставку, он поселился с семейством в своей тамбовской деревне Любичи, время от времени выезжая в столицы. И его встречи с поэтом возобновились.

Герой Отечественной войны 1812 года, участник многих знаменитых сражений. В 1813 году в битве под Кульмом Кривцову оторвало ядром ногу, он носил пробковый протез, сделанный ему в Европе. После войны он перешел на статскую службу – в Коллегию иностранных дел, с 1818 по 1823 год служил в российском посольстве в Лондоне. Поговаривали, что Кривцов вернулся в Россию не просто либералом, как многие его товарищи по заграничным походам, а отъявленным республиканцем. Его московский знакомый Кристин пришел в ужас от его политического вольнодумства и демонстративного атеизма. О том, какое сильное влияние имел он на молодого Пушкина, есть свидетельства Тургеневых, в доме которых они и познакомились в 1817 году. В их дружбе Кривцов главенствовал. Он был на восемь лет старше. А кроме того, вообще обладал очень сильным и властным характером. «Неимоверно влияние, которое Николай мог производить», – писал его брат Сергей*. Наверное, только такой человек и мог остановить разъяренную толпу, ворвавшуюся во французский госпиталь в оставленной Наполеоном Москве, и предотвратить погром. Попавший в плен под Бородином Кривцов лечил там раненую руку. Потом в Париже ему за это будет вручен Людовиком XVIII орден Почетного легиона.

В годы гражданской службы в России Николай Кривцов был известен как очень жесткий правитель сначала Тульской, потом Воронежской и, наконец, Нижегородской губернии. Его назначали «поправлять» запущенные губернии, и он, по свидетельству современников, «заводил порядок и правильность» в городском и губернском хозяйстве, мостил улицы, устраивал колодцы и дамбы, боролся с мздоимством. Но его прямота и принципиальность приводила, как правило, к конфликтам с местным дворянством и к многочисленным доносам и жалобам. Самым коротким было его правление в Нижнем Новгороде. Всего восемь месяцев – с сентября 1826 до мая 1827 года.

---

* Гершензон М. Декабрист Кривцов и его братья. М., 1914; Сабуров Я.И.. Н.И. Кривцов // Русская старина, 1888, декабрь.

Останься век, каков ты ныне,
Лети во мрачный Альбион!
Да сохранят тебя в чужбине
Христос и верный Купидон!

Пушкин искренне любил своего гордого и деятельного друга и посвящал ему стихи. А Кривцов и остался до конца своих дней таким же несгибаемым скептиком и таким же, каким был всегда, атеистом-безбожником. На мраморной плите собственного склепа в тамбовском имении, где он и будет погребен в 1843 году, он начертил «Не верю и не боюсь».

Образ Николая Кривцова вполне мог быть связан с «демоническими» стихами Пушкина. В пору создания «Демона» (1823), «Сцены из Фауста» (1825) и других творений, в которых звучал живущий в каждом человеке тайный «дух отрицания и сомнения», поэт мог мысленно обращаться к другу своей вольной молодости. Они часто говорили об этом. Эта тема отчетливо звучит и в письме Пушкина к Николаю Кривцову накануне женитьбы – от 10 февраля 1831 года. «Все, что бы ты мог сказать мне в пользу холостой жизни и противу женитьбы, все уже мною передумано. Я хладнокровно взвесил выгоды и невыгоды состояния, мною избираемого. <...> Женюсь без упоения, без ребяческого очарования. Будущность является мне не в розах, но в строгой наготе своей. Горести не удивят меня: они входят в мои домашние расчеты. Всякая радость будет мне неожиданностью». Часто в этих строках видят предчувствие Пушкиным своей гибели. Но здесь и тот самый вселенский скепсис, в какой-то степени, даже и скепсис по отношению к любви. И неслучайно именно к Кривцову обращены эти строки, в которых в основу семейного счастья положено не любовное упоенье, а «домашние расчеты». Николай Кривцов жил тогда в своих Любичах, в трехстах верстах от Болдина, где Пушкин находился осенью 1830-го. Поэтому в письме к нему, писанном перед женитьбой, он и скажет: «Нынешней осенью был я недалеко от тебя. Мне брюхом хотелось с тобой увидиться и поболтать о старине – карантинны мне помешали»...

Но вернемся на Покровку. Изящная маленькая площадь возле Дворянского собрания, определенно, в каком-то смысле, самое «пушкинское» место в Нижнем. По диагонали от губернаторского дома через перекресток Большой Покровской с Дворянской улицей, нынешней Октябрьской, стоял дом, в котором родился и прожил до семнадцати лет еще один пушкинский знакомец, князь Сергей Петрович Трубецкой. Тот самый, член Союза спасения и Союза благоденствия, один из руководителей Северного общества, один из авторов «Манифеста к русскому народу». Избранный в диктаторы восстания, но на Сенатскую площадь не вышедший. Кадровый военный, храбрый человек, который в сражении при Кульме, командуя батальоном, без единой пули, на одних штыках обезоружил со своими солдатами отряд французов. Быть может, полковник Трубецкой, не вышедший на площадь, – одна из самых трагических фигур восстания. Он не только понимал лучше других степень неподготовленности выступления и его обреченности. Особенно после того, как Якубович в последний момент отказался вести на Зимний матросов Гвардейского экипажа и Измайловский полк, и после других отступлений от первоначального плана. Не только потому, что Трубецкой осознавал, что без большого пролития крови сооте-

чественников не обойтись. Быть может, именно в его сознании более, чем у кого-либо другого из декабристов, выразилось коренное противоречие дворянского выступления 1825 года. Страстное стремление к гражданским свободам, с одной стороны, и «генетическая», с молоком матери впитанная внутренняя невозможность нарушить законы дворянской чести и изменить присяге, с другой. . .

Пушкин не был с Трубецким в близких дружеских или приятельских отношениях. Но они общались в литературном кружке «Зеленая лампа», членами которого были оба; они встречались в столичных аристократических гостиных. Характерный удлиненный профиль Трубецкого часто появлялся после расправы 1826 года в рисунках Пушкина на полях рукописей. А в планах неосуществленного замысла романа «Русский Пелам» у него есть запись: «Общество умных. Илья Долг <руков>, С<ергей> Труб<ецкой>, Ник<ита> Мур<авьев>». Сохранились свидетельства о том, что художественное осмысление событий 1820-х годов в Петербурге, в том числе и декабрьского выступления, было в его планах.

В последний раз Трубецкой посетил родительский дом в Нижнем Новгороде в 1817 году, когда умер его отец князь Петр Сергеевич. Вскоре дом был продан. Екатерина Ивановна Трубецкая, жена декабриста, следуя в 1826 году к осужденному на двадцать лет каторги мужу в Сибирь, на правах родственницы останавливалась в одном из домов князя Г.А. Грузинского выше по Большой Покровской*. С.П. Трубецкой по матери приходился ему племянником. Дом же Трубецких в 1833 году принадлежал генеральше Н. Ляпуновой. Сейчас на его месте скверик против главного входа в бывшее Дворянское собрание.

А чуть дальше по Покровке, на месте нынешнего Нижегородского драматического театра стояла усадьба XVIII века князей Волконских. Направляясь на обед к губернатору, Пушкин проходил мимо решетки ее парадных ворот, старый дом был в глубине двора. Благодаря изысканиям Н.Ф. Филатова, мы знаем, что хозяйкой усадьбы числилась княгиня Александра Николаевна Волконская, урожденная Репнина, мать декабриста генерала С.Г. Волконского. Хотя вряд ли статс-дама, обер-гофмейстерина Высочайшего двора и подруга императрицы Марии Федоровны жила и вообще бывала в своем нижегородском доме. Ее младший сын Сергей Григорьевич Волконский в этом доме бывал. Останавливался проездом по дороге к отцу, губернатору Оренбургского края. Будущий декабрист был владельцем богатого заволжского села Николо-Погост в Нижегородской губернии. Оно досталось ему по наследству от деда по линии матери – известного дипломата и военачальника екатерининских времен Н.В. Репнина**. А он, в свою очередь, попав под суд после восстания, передал это имение по духовному завещанию малолетнему сыну Николаю под опекуном жены Марии Николаевны Волконской и ее отца.

С декабристом Сергеем Григорьевичем Волконским, осужденным Следственным комитетом по первому разряду к двадцати годам каторги, Пушкин познакомился в мае 1820 года в Киеве, потом их знакомство возобновилось в Одессе. «Пушкин пишет “Онегина” и занимает собою и стихами всех своих приятелей», – писал Волконский

---

* В. Зеленцов. О доме, где жил Трубецкой // За учительские кадры. 1977. № 31. 28 ноября.

** Филатов Н.Ф. Нижний Новгород пушкинской поры. – Горький, 1983. С. 46.

П.А. Вяземскому в июне 1824 года. По утверждению сына Волконского именно ему было якобы поручено принятие Пушкина (так и не состоявшееся) в Южное общество декабристов. С его женой Марией Николаевной Волконской, в девичестве Раевской, поэт тоже был знаком и дружен. Он сблизился с семьей Раевских во время путешествия на Кавказские минеральные воды и по Крыму летом 1820 года. Последняя их встреча произошла 26 декабря 1826 года в Москве на вечеру у Зинаиды Волконской накануне отъезда Марии Николаевны к сосланному в Сибирь мужу.

Пушкин написал Волконским эпитафию на смерть их маленького сына Николая. Мария Николаевна в письмах к отцу передавала Пушкину благодарность за сочувствие. Некоторые исследователи видели в ней предмет «утаенной любви» Пушкина и связывали с ней некоторые его стихи: «Редет облаков летучая гряда» (1820), «Таврида» (1822), «Не пой, красавица, при мне» (1828), «На холмах Грузии» (1829), вступление к поэме «Полтава», некоторые строки «Онегина». Логично предположить, вслед за Н.Ф. Филатовым, что, отправляясь к мужу в Сибирь (а на Сибирский тракт дорога шла через Нижний), Мария Николаевна останавливалась отдохнуть здесь, в доме мужниной родни на Большой Покровской. Спусти много лет она в своих «Записках» вспоминала о разговоре с Пушкиным накануне своего отъезда в Сибирь. «Пушкин мне говорил: “Я намерен писать книгу о Пугачеве. Я поеду на место, перееду через Урал, поеду дальше и явлюсь к вам просить пристанища в Нерчинских рудниках”. Он написал свое великолепное сочинение, всеми восхваляемое, но до нас не доехал»*.

Спустя много лет – после амнистии 1856 года – в Нижний придет еще один друг Пушкина из числа декабристов, осужденных на вечную каторгу в Сибирь. Это был лицейский товарищ поэта Иван Пущин, «большой Жанно», доставивший Пушкину незабываемую радость, посетив его в михайловской ссылке. Приезд Ивана Пущина в Нижний связан с судьбой его незаконнорожденной дочери, появившейся на свет в сибирском Ялуторовске в результате союза его и местной женщины «из простых». Девочку удочерила Мария Александровна Дорохова, бывшая директриса Иркутского института благородных девиц, переехавшая потом в Нижний Новгород, чтобы возглавить Нижегородский институт для юных дворянок**. Пушкин хорошо знал Руфина Дорохова, мужа Марии Александровны, задиру, бретера и храбреца не раз «за неукротимый нрав и буйные выходки» разжалованного в рядовые, но каждый раз благодаря личной храбрости возвращавшего себе офицерские погоны***. Поэт находил «тému грации в Дорохове и много прелести в его товариществе», упоминал о встречах с ним в «Путешествии в Арзрум». Иван Пущин был дружен с Дороховым и его женой и поддерживал отношения с обоими даже после их развода. В Нижний Новгород он приезжал к Марии Александровне, чтобы навестить свою дочь.

Мы не знаем, бывал ли Пущин на главной улице города, скорее всего, бывал. Но из его собственных «Записок о Пушкине» известно, что

---

* Записки княгини М.Н. Волконской // Своей судьбой гордимся мы. Иркутск, 1977. С. 319.

** Коновалова А.Н. Мария Александровна Дорохова // Записки краеведов. Горький, ВВКИ, 1975. С. 63-66.

*** Считается, что именно Р.И. Дорохов вдохновлял Л.Н. Толстого при создании образа Долохова в романе «Война и мир».

он бывал у тогдашнего начальника Удельной конторы в Нижнем – у Владимира Ивановича Даля на Большой Печерской. И они, конечно, вспоминали Пушкина. Тем более что в нижегородской квартире Даля хранились тогда две бесценные реликвии: простреленный на дуэли сюртук и перстень поэта, подаренные Далю вдовой Пушкина.

Что же касается Большой Покровской, то здесь жили и менее близкие, хотя и знакомые Пушкину люди. Например, дворяне Ульянины. Владимир Васильевич Ульянин, предводитель лукояновского уездного дворянства был тем самым ревностным чиновником, который никак не хотел выдать поэту разрешение на проезд через холерные карантинные в 1830 году. Пушкина в Лукоянове дважды заворачивали обратно в Болдино, когда, испугавшись за здоровье близких, поэт рвался в холерную Москву. Спустя несколько лет, встретив В.В. Ульянина в Петербурге в Английском клубе, Пушкин подошел к нему: «Кажется, это Вы меня притесняли во времена холеры?..» И пожал-таки ему руку.

Прощаясь с Покровкой, мы еще раз вернемся к уже упоминаемому нами пушкинскому знакомому нижегородцу Александру Дмитриевичу Улыбышеву. С этой улицей была связана вся его нижегородская жизнь. В 1830-е годы он жил в своем Лукине и работал над книгой о Моцарте. Наезжая в Нижний в дни ярмарки, снимал в центре города временное жилье. Летом 1833 года это был дом капитанши Е.М. Щепановой, находившийся примерно на месте нынешнего Кукольного театра на Покровке. В 1841 году Улыбышев решил перебраться с семьей в губернский город на постоянное жительство. И арендовал у священника А.И. Добролюбова, отца будущего знаменитого критика, великолепный двухэтажный с антресолями каменный дом, настоящий шедевр архитектора Георга Кизеветтера над Лыковой дамбой. Буквально в двух шагах от Большой Покровской, неподалеку от Дворянского собрания. А в 1848 году он переехал уже в собственный каменный дом у пересечения Большой Покровской с Малой Покровской улицей, где принимал на своих вечерах с музыкой и домашними спектаклями полгорода. Со временем на приобретенном там земельном участке он выстроил еще один дом для семьи дочери.

О том, что связывало Улыбышева с Пушкиным, хорошо известно. В молодости они в одно время служили в Петербурге в Коллегии иностранных дел, вместе посещали заседания литературно-театрального кружка «Зеленая лампа». У них была масса общих знакомых и, возможно, в чем-то схожие литературные и музыкальные пристрастия. Оба были нижегородскими помещиками. Но все это вряд ли дает основания предполагать, что их связывала близкая дружба, как считают некоторые исследователи. Увы, свидетельств их личного знакомства или общения попросту нет, кроме одного устного упоминания А.О. Смирновой-Россет об их беседе о Моцарте в гостиной Карамзиных. Да еще, может быть, одного пушкинского рисунка, сделанного на заседании «Зеленой лампы» в доме Всеволожских 17 апреля 1819 года, где изображен председательствовавший Улыбышев*. Ни тот ни другой не оставили ни одного упоминания друг о друге. И это притом что Улыбышев в пору своих активных критических выступлений 1820-х годов в петербургских газетах довольно много писал не только о музыке, но и о литературе. И, удивительное дело, Улыбышев

---

* Подробнее: Белоногова В.Ю. Забытая мелодия. Жизнь и труды Александра Улыбышева. – Нижний Новгород: Кварц, 2016. С. 80–84.

ни разу не пишет о своем сотоварище по «Зеленой лампе». А ведь Пушкин именно в это время переживал пик своей прижизненной славы у современников. Больше того, зимой 1827 года, как писал поэт Дмитрий Веневитинов в письме своему брату, Улыбышев «собирался бранить в “Journal de St.-Petersbourg”» опубликованную в «Московском вестнике» сцену «Ночь. Келья в Чудовом монастыре» из пушкинской трагедии «Борис Годунов» (статья по каким-то причинам не была опубликована).

Нет, Улыбышев не был другом Пушкина. Хотя и был человеком пушкинского времени – Золотого века русской культуры. И, живя в Нижнем Новгороде, он насаждал дух этой культуры – музыкальной, театральной, литературной. Дух легкой игры, умной шутки и оппозиционности. Впрочем, это будет позже. 3 сентября 1833 года они не увиделись в доме губернатора. Улыбышев писал свою книгу в Лукине. А Пушкин шел Большой Покровской улицей по направлению к гостинице, возле которой его уже ждала запряженная почтовая тройка. Он покидал Нижний Новгород, чтобы продолжить свое путешествие «к Пугачеву», главной цели его поездки.